



Интервью с Екатериной Николаевной ЯДОВОЙ

«БЕЗ НАУЧНОГО ИНТЕРЕСА ПОЛНОТЫ ЖИЗНИ КАК БУДТО НЕТ»

Ядова Е. Н. – окончила психологический факультет МГУ (2001 г.), кандидат социологических наук (2009 г.), Негосударственное образовательное учреждение высшего образования Московский технологический институт, первый проректор, руководитель MBA программ Moscow Business School
Основные области научного интереса: образование, Science and Technology Studies, предпринимательство
Интервью состоялось: июнь – август 2017 г.

В 2005 году я провел биографическое интервью с Владимиром Александровичем Ядовым (I поколение российских социологов) http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=43. Это было начало моих историко-биографических интервью. На рубеже 2008-2009 года – с его сыном, Николаем Владимировичем Ядовым (IV поколение) http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=44. В 2012 году Владимир Александрович рассказал о своей жене Людмиле Николаевне Лесохиной (II поколение) http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=65. И вот – новое интервью с членом этой социологической семьи. Рассказ Екатерины Николаевны Ядовой (VI поколение), внучки В. А. Ядова.

Замечу, данное интервью – не первое, представляющее трехпоколенную семью социологов. В моем архиве есть «цепочка»: В. Н. Ярская-Смирнова (II поколение социологов) – ее дочь, Е. Р. Ярская-Смирнова (V поколение социологов) – ее сын, Р. В. Кононенко (VII поколение социологов).

К тому же, в архиве из 160 интервью http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207 есть множество бесед с членами семей, в которых дети, следуя родителям, стали социологами.

Таким образом, поколения VI и VII в значительной степени образованы детьми и внуками социологов. А это – один из интересных содержательных выводов проводимого историко-социологического мониторинга; профессия социолог является семейной, династической. Подобная тенденция была зафиксирована раньше, при анализе IV поколения: А.Г. Здравомыслов и Е. А. Здравомыслова, М.Н. Руткевич и А. М. Руткевич, В. А. Ядов и Н. В. Ядов, но сейчас о ней можно говорить с полной уверенностью.

Отмечу еще один интересный момент беседы с Катей – внимание молодых социологов к развитию в стране современных информационных технологий. Эта тема обсуждалась мною ранее с Антоном Абрамовским http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=144 и Лилией Земнуховой http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=208, но в данном случае эти вопросы рассмотрены в более общем ключе. Социологи не только изучают эти социокультурные процессы, но участвуют в подготовке кадров для работы в IT-нише. А это уже задача серьезного общественного значения.

Ну и последний, но очень важный сюжет интервью – воспоминания Кати о дедушке – Владимире Александровиче Ядове. Они рассыпаны по всему тексту и ими завершается наша беседа. К настоящему времени накопилось уже немало материалов о Владимире Александровиче, и рассказанное внучкой станет важной частью наших представлений о Ядове-человеке.

Ядова Е. Н.: «Без научного интереса полноты жизни как будто нет»

Катя, обычно я начинаю интервью с вопроса о родителях, семье, но сейчас я отойду от этой практики. В моей коллекции бесед с российскими социологами есть обширное интервью с Владимиром Александровичем Ядовым (твоим дедом), есть его рассказ о жене – Людмиле Николаевне Лесохиной (твоей бабушке) и есть интервью с Николаем Владимировичем Ядовым – твоим отцом. Беседа с тобой интересна мне не только в плане анализа внутрисемейного сохранения профессии, но и в отношении того, как формировались разные поколения российских социологов: В. А. Ядов – I поколение, Л. Н. Лесохина – II поколение, Н. В. Ядов – IV поколение и ты – VI генерация: тебе чуть больше 30 и ты – 1-ый проректор Московского технологического института, похоже в каждом частном (случай твоей семьи) присутствует общее...

Опираясь на слова Дональда Трампа о карьере, можно сказать, что самое верное конкурентное преимущество – это родиться в правильной семье.

Я родилась с очень сильным конкурентным преимуществом, буквально с серебряной книжкой в руках. Это если перефразировать слова «с серебряной ложкой во рту» про богатство и успех без усилий, под интеллектуальное развитие без надрыва. Очень много ученых степеней на квадратный метр.

Сразу после рождения (1979 год) поехала на улицу Пестеля. Такой настоящий «старый Питер». На момент моего рождения, конечно, еще Ленинград. До трех лет я жила здесь. «...и в Летний сад гулять ходил».

Из этого времени я помню очень мало. Точнее у меня есть только одно воспоминание, как с бабушкой Люкой играю: выглядываю из двери и то ли говорю что-то, то ли просто про себя думаю. Детский восторг помню, когда тебя ищет кто-то и не находит.

Воспитанием моим занимались многие. Наверное, я должна быть очень воспитанной... В первую очередь, это моя мама. А как же иначе. Она и воспитывала, и поддерживала, и направляла, и успокаивала. Только вот первый месяц после моего рождения мама провела в больнице с тяжелым сепсисом, так что я сразу свалилась на руки папы, бабушки Люки, дедушки Вовы, бабушки Розы. Наверное, очень им было тогда нервно. Младенец, надо питание какое-то, а времена не то, чтобы избыточные были. Говорят, было, что меня кормили молоком с перемолотой гречкой. Только не знаю, прямо вот с рождения, или позже. Но гречку очень люблю))

Бабушка Роза (Раиса Яковлевна Понизовская – мама бабушки Люки) потом всегда, к моему приезду готовила именно гречку.

Жили до моих трех лет с мамой, папой, дедушкой Вовой, бабушкой Люкой, дедушкой Копелем (Николай Гаврилович Лесохин) и бабушкой Розой. На лето выезжали на хутор в Эстонии.

- Мне рассказывали, что на хуторе была милый разговор с дедушкой Копелем
- дедушка, а тебе холодно?
 - да, холодно. Вот ты бегаешь, у тебя кровь молодая, она тебя греет.
 - дедушка, что ты? Меня же кофточка греет.

У моих родителей отношения не сложились. В целом, я от этого, наверное, даже выиграла: получила больше разного семейного опыта: два папы, два дома. Мобильность важна. Мое диссертационное исследование даже свидетельствует косвенно, что мобильность – залог успеха.

Я была первенцем в семье, потому у всех ко мне было весьма трепетное отношение. Дедушка Вова звонил мне каждый день и мы часами болтали. Сказки рассказывал, сам новые придумывал, часто вместе со мной. Письма мне писал. У меня даже остались кое-какие его заметки про мое детство.

По Питеру гуляли много. Бабушка Люка все время переживала, чтобы дедушка меня нигде не потерял. Рассеянный гений. Зонтики терял, книги. Меня ни разу.

Дедушка в поездки с собой брал на отдых и даже в командировки (уже когда постарше стала). Всегда привозил жвачки и одежду из-за границы. Конечно, баловал сильно. У родителей – другая работа. Мама, как бы это сказать, научила меня учиться, папа... ну, наверное, естественности.

Бабушка и дедушка по маме со мной тоже нянчились. Даже в садик не стали отдавать. Благодаря этому я в школе отлично общалась со всеми одноклассниками, а не только с группой, которая из детского сада перешла.

Жили мы с родителями мамы. Моя бабушка по маме – Советова Валентина Васильевна, дедушка – Советов Сергей Иванович. Дедушка Сергей говорит: мы оба с женой сварщики. Она борщи варит, а я металл.

А ты не знаешь историю этой фамилии? Пожалуйста, Катя, расскажи о маме, о ее семье.

В семье про историю фамилии есть история возникновения фамилии. Правда, вряд ли можно поручиться за 100% достоверность.

Говорят, что раньше семья носила фамилию – Ратниковы (семьи, из которых берут в рекруты). И фамилия жила до каких-то лет еще до революции 1905–1907 гг., пока один из призванных на службу праотцов не стал полковым писарем. Грамотный был человек, может быть, даже один на всю округу. Писал, советы давал. Вот и стал Советовым. Передал эту фамилию моему пра-прадеду – Дмитрию Тимофеевичу Советову (он воевал в Первую Мировую), тот своему сыну – Ивану Дмитриевичу (воевал во Вторую Мировую), дальше моему деду – Сергею Ивановичу, а тот моей маме. Честно говоря, я эту историю то ли не знала, то ли не помнила. У мамы уточняла.

Бабушка поваром была. В Астории одно время работала. Дедушка сварщиком в Питере, а потом... на малую родину в Кольчугино Владимирской области вернулся. Пока силы позволяли, был валялой (валенки делал, отличные).

Мама – Ольга Сергеевна Советова – закончила факультет психологии ЛГУ и кандидатом психологических наук стала в 1992 году. Ее работа называлась: «Инновационные диспозиции личности, их взаимосвязь и влияние на отношение к социальным изменениям». Очень хорошо помню, как день и ночь на машинке печатала, потом правки в диссертацию вносила (резала странички, склеивала, снова печатала). В 1998 году она стала доктором психологических наук. Тема ее исследования: «Социальная психология инноваций: Основания, исследования, проблемы». Тут уже защиту помню. Приезжала маму поддерживать уже из Москвы.

Мама долго и упорно занималась социальной психологией инноваций, несколько монографий выпустила. Много лет она отдала СПбГУ, на кафедрах антропологии и социальной психологии, в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете работала. Еще в Герценовском университете работала (сейчас федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»).

О семье, как у всех, в двух словах не скажешь. Главное — это то, что с рождения окружало: атмосфера, разговоры, социум, все то, что развивает у ребенка нейронные связи, это самое ценное.

В каком году ты пошла в школу? Успела побывать в пионерах, в комсомоле или к тому времени эти организации уже не существовали? Какие интересы постепенно у тебя возникали?

В школу пошла в 1986. Мне 7,5 лет было. Закончила школу, соответственно, в 96... т.е. пошла учиться в СССР, а закончила уже в новой России, если убрать года, то можно считать, что прошла длинный и тернистый путь. Была и октябренком, и пионером, потом плавно переросло в подростковый протест, благо политическая ситуация в стране благоволила, трактовки истории менялись каждый год... веселое было время и интересное — т.е. совковая машина еще не остановилась, а новая еще на конвейере.

Хорошо помню, как принимали в пионеры. Потела ладошка, в которой лежали звездочка и галстук. После церемонии, конечно, как многие, шла холодным апрелем нараспашку — гордо несла символы отличия.

Увлечений было много, самых разных: и спорт, и театр, искусство. Учеба давалась легко, школу закончила с серебряной медалью.

Комсомолкой не была. Не успела. Да, и спортсменкой, тоже не была. Правда, в разные кружки и секции ходила много и охотно. Большой теннис, бальные танцы, тхэквондо... ничто не прижилось.

Еще посещала занятия живописью аж в самом Эрмитаже. Наверное, это 1984—1985 годы. Но тут у меня шансов не было никаких. Помню, как мой совершенно замечательный преподаватель, Борис Константинович, очень харизматичный человек, страшно выругивал (дедушки Вовы слово) меня за «пьяное» сочетание» желтого и фиолетового.

Из «эрмитажного» моего прошлого еще помню провал на сцене театра. Мы с художественной группой выступали перед, как мне тогда показалось, огромным залом с настоящей сценой. Мама мне сшила платье, прикрепила цветы. Я должна была сказать: «Я фиалка, которых много растет на полях сказок Ганса Христиана Андерсена». Фразу помню больше 30 лет. А тогда стусевалась, не сказала. Фотографии есть, как сильно я обрела.

Во втором классе пошла за компанию с подружкой в театральную студию к Елене (вообще-то Владилене) Оскаровне Бреннер (Бывшей актрисе, прекрасной женщине, замечательному организатору). И осталась до конца школы. А потом еще и после школы общались. Елена Оскаровна стала моей крестной.

Тогда, в начальной школе, Елена Оскаровна учила нас жить на сцене. Буквально. Мы там строили домики детские, бегали, болтали просто так. Чтобы школьная сцена стала родным домом. Замечательное было время.

Правда, наверное, именно из-за этого опыта, не умею наслаждаться театром. Не вижу картину целиком, все время отмечаю отдельные моменты в декорациях, костюмах, нестыковки.

Но пока училась в школе, это было прекрасное хобби... или вторая линия жизни. Много ставили Евгения Онегина. Даже кое-что до сих пор помню.

Из школы хорошо помню первую двойку. Начальная школа, наверное, второй класс. Природоведение. Вызывают по очереди одноклассников к доске, и все, один за одним, говорят, что не выучили параграф... кто-то говорил, что не задавали. Мне кажется, так человек пять спросили. Всем поставили двойки. Называют мою фамилию. Я встаю, дрожащим голосом говорю, что не выучила. В голове несутся мысли, что учила, но вдруг ошибусь, и если отвечу, получится, подставлю предыдущих. Учительница объявляет: «два!». На ватных ногах с дневником иду забирать трофей. А потом память сохранила, как я стою перед дверью своей квартиры и думаю, что же теперь будет (моего одноклассника за двойки папа порол). Захожу, рассказываю. А мама и говорит: «Ну что ж... можно и двойки получать. Но пятерки же лучше!»

Катастрофы не случилось, мир не рухнул... Вообще, училась я хорошо. Может, как раз из-за того случая. С 7 класса в четвертях и годах, кажется, уже и не было никаких оценок, кроме пятерок.

Один раз в 9 или 10 классе я и мой одноклассник Сережа Сидорин (мы с ним оба шли на медали) по химии получили за какую-то работу 2 или 3. Так всему классу оценки отменили, решили, что слишком сложное задание дали. Сначала ты работаешь на репутацию, потом репутация работает на тебя.

Когда у тебя прорезался интерес к будущей профессии? Посмотрим вокруг: дедушка, бабушка, родители – все психологи, социологи. Наверное, двигали тебя сразу в эту сторону?

Если отвечать честно, то интерес к профессии прорезался после выпуска из МГУ, примерно в 2001 году, когда я начала применять результаты исследований на практике. До этого я очень слабо понимала, что именно, по сути, представляет из себя моя профессия. Думала, конечно, что понимаю, но это было не так.

Специально меня в сторону профессии никто не двигал. Не убеждали, не агитировали. Мои бабушка, дедушка, родители – все они подготовили почву.

А сейчас я очень увлечена темой восприятия современных технологий. От социальной психологии и социологии я по мере своего профессионального развития была то ближе, то дальше, но никогда не уходила совсем.

Можно ли понимать сказанное выше как то, что Галина Михайловна Андреева была твоим научным руководителем с первого курса и до конца обучения? Какие темы она предлагала для самостоятельных исследований? Если и дипломную работу ты делала под ее руководством, то расскажи подробнее об этой теме. Хотелось бы тебя попросить и о большем. Г. М. Андреева относится к ярким социологам первого поколения, с ней дружили В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов. Но так случилось, что я ее практически не знал, не проводил с нею интервью. Пожалуйста, попробуй рассказать о Галине Михайловне как человеку и преподавателе.

Галина Михайловна вошла в мою жизнь еще до моего поступления на психфак. Я сдавала вступительные экзамены, имея школьную привычку получать пятерки. А тут уровень моей школы даже с репетиторами не позволил мне уверенно выйти

на отлично. Я расстраивалась сильно. И тогда дедушка познакомил меня с Галиной Михайловной. Она очень четко и быстро объяснила мне, что в движении к цели нельзя относиться к неудачам чересчур трагично, оценивать ситуацию нужно адекватно. Я тогда узнала, что на первом экзамене – математика – на психфаке всегда отсеивались почти половина, если не больше, абитуриентов. А раз я прошла, то должна двигаться дальше и показать класс. Ну, я и пошла. Видимо, очень убедительно Г.М. говорила.

Галина Михайловна была потрясающая. Ее называли ГМ, неформально это означало непререкаемый статус гуру. Про нее можно было сказать расхожую, правда, фразу «строга, но справедлива». В принципах была тверда, требовала честности в работе и поведении. Сама себя всегда вела соответственно.

Очень не любила, когда опаздывали на ее лекции. Говорила: «понять опоздание могу, но принять – нет». Мы с ранних курсов знали, что если опаздываешь к ГМ, лучше не приходи совсем, все равно не пустит.

Галина Михайловна прошла войну. Кажется, была радисткой. Фронтовая закалка, наверное, всем была видна невооруженным глазом.

Знаете, у меня всегда было ощущение, что она построила психфак, ну, или, по крайней мере, социальную кафедру. И на этом основании – хозяйки дома – могла требовать соблюдения профессиональной, научной, педагогической этики от всех входящих в дом. Я нисколько не умаляю научных и организационных заслуг «отцов и матерей» психфака, просто делюсь своим ощущением про Г.М.

При этом Г.М., конечно, понимала, что студенты – всегда студенты. И сдавать все работы будут в последнюю минуту под ее ночные бдения и праздники. Как если бы у преподавателя не было других дел в выходные или, например, майские, кроме как проверять сданные работы.

Мы с Галиной Михайловной выбрали для меня тему социальной идентичности и социализации. Я прилежно их отработывала с первого курса. И после выпуска еще занималась этой тематикой. Изучала группы школьников, потом особенности россиян и поляков. Тогда было интересно. Сейчас уже несколько меньше.

Главное, Г.М. научила научному подходу, чистоплотности проверки гипотез, сбору исследовательской базы, аккуратности и продуманности формулировок, опоре на теоретические разработки.

Когда у тебя прорезался интерес к будущей профессии? Посмотрим вокруг: дедушка, бабушка, родители – все психологи, социологи. Наверное, двигали тебя сразу в эту сторону?

На самом деле интерес к профессии прорезался уже после выпуска из МГУ, примерно в 2001 году, когда я начала применять результаты исследований на практике. До этого я очень слабо понимала, что именно, по сути, представляет из себя моя профессия. Думала, конечно, что понимаю, но это было не так.

Специально меня в сторону профессии никто не двигал. Не убеждали, не агитировали. Мои бабушка, дедушка, родители – все они подготовили почву, показали мне атмосферу профессии психолога-социолога-преподавателя. И мне эта атмосфера нравилась. Я даже и не рассматривала никакие другие направления. Было в 9–10 классе время, когда я собиралась пойти на юриста. Но обошлось. Как-то само собой прошло и вернулось обратно к направлению семейной профессиональной династии.

А скажи, Владимир Александрович не стремился «подвинуть» тебя в сторону «Диспозиционной теории личности»? Ведь здесь психологический и социологический подход к анализу личности крепко сцементированы...

Интересный вопрос. Особенно интересно, что я совсем не помню никаких попыток меня «подвинуть» в сторону диспозиционной теории личности. Мы даже толком не говорили о ней с дедушкой. У нас были всякие разные разговоры профессиональные. И споры были. Но чили. Это были актуальные исследовательские работы, и обсуждение шло активное. Когда я диссертацию писала про первую волну «челноков», т.е. по сути предпринимателей родом из СССР, тоже очень много с дедушкой говорили про теоретическую канву, про модели анализа, про логику представления результатов.

Так что, пожалуй, все же я опоздала к актуальному и яркому обсуждению именно диспозиционной теории личности, но застала много других интересных и актуальных тем.

Скажи, пожалуйста, еще в студенческие годы тебе не приходилось участвовать в каких-либо исследованиях? Многие студенты, кто лишь из интереса, кто — в целях заработка, на рубеже веков активно участвовали в политических и маркетинговых исследованиях.

Как же, как же! Конечно. На третьем курсе я захотела работать по профессии. Первый, к кому пристала, был дедушка. Он категорически возражал сначала. Говорил, что все время надо посвящать учебе. Я спорила, что буду успевать все, качество обучения не упадет, а даже совсем наоборот. В результате нашего общения я стала лаборантом в Институте социологии РАН. Но пока мы еще спорили, я уже по своим сокурсникам нашла подработку на телефонном обзвоне. Я потом много раз проводила анкетирование, но тот опыт помню, как страшный сон. До сих пор стараюсь отвечать на все вопросы анкет, когда мне звонят. Очень тяжелая работа. Помимо монотонности анкеты, еще есть элемент эмоционального вовлечения в жизнь собеседника. Там и трагедии с гибелью родственников, там и нервные выяснения, откуда взяли номер. Правда, тогда в конце 90-х, оплачивалась такая работа еще вполне прилично. А сейчас интервьюеры работают за менее значительные деньги, и за качеством полевого исследования нужно следить еще внимательнее.

Насколько я помню, в начале 2000-х многие молодые социологи были включены в изучение избирателей, работали в штабах кандидатов... Ты тоже участвовала в этом движении? Если «да», пожалуйста, опиши этот опыт...

О да, я активно участвовала в этом процессе. Можно сказать, боевое крещение проектной деятельностью, исследованиями, построением команды, я получила именно в рамках избирательных кампаний. Еще не закончив Университет — в 2000 году, я пошла работать в ИМА-Консалтинг. Группа ИМА — очень профессиональные и опытные акторы рынка PR, и политического PR, в частности. Мне повезло с опытными коллегами.

Сначала я делала качественные и количественные исследования из Москвы. Потом поехала по командировкам. Самое интересное, конечно, именно в командировках происходило. Помимо основной исследовательской работы было много дополнительной: от подбора персонала до финансовых расчетов. Интересно в избирательной кампании то, что каждое действие должно быть результативным, при-

чем в конкретные сжатые сроки. Нельзя концентрироваться только на процессе, выбирать неэффективные практики. Это хорошая закалка. До сих пор трудно пережить вынужденные провисания проектов по срокам. Тогда в конце 90-х– начале 00-х, любое провисание ликвидировалось «грубой силой», выбиваться из графика было категорически нельзя.

С исследованиями тоже было очень здорово. Провел исследование – результаты тут же поступают в работу. На их базе планируют стратегию, пишут материалы в СМИ. Так в других сферах бывает не всегда. Часто встречается, что даже отличное исследование проведено, но результаты не востребованы или пошли в работу лишь частично.

Избирательные кампании – это наркотик, когда испытал этот драйв уже очень сложно соскочить в «мирную» жизнь. Что говорить мне было 26 лет, когда я стала полноценным руководителем кампаний, мой кандидат победил на выборах и я даже не знаю, кто из нас больше радовался.

Но всему приходит конец, когда пришло осознание того, что мы не столько формируем общественное мнение, сколько манипулируем сознанием избирателя – интерес пропал.

... ты писала мне, что работала на рынке недвижимости, это в тот момент ты так резко сменила поле деятельности...почему именно недвижимость?

...Любопытство, более ничего. Хотелось попробовать себя в совершенной новой стезе, так сказать проверить на вшивость. И выбрала более приземленное, что потрогать можно руками. Потрогала, понравилось. Но это не дело всей жизни для меня. Хотя «зачочки» по части работы с юридическими документами получила очень жесткую. Очень важный навык для управленца.

Выше ты упомянула об исследованиях «челночества»? Как ты вписалась в эту тему, в эту реальность? Ты испытала на себе эту реальность, этот мир? Я помню, по-моему, в «Социологическом журнале» статью о «челноках», но забылось, что ты – ее автор. Тогда, пожалуйста, расскажи о твоей аспирантуре и выборе для исследования «челночной» темы.

Наверное, вот про эту публикацию Вы вспомнили: Ядова Е.Н. Предпосылки смены профессиональной занятости первой волны челноков //Социологические исследования. – 2008. – №. 4. – С. 62–66.

В Институте социологии РАН, где я тогда наукой занималась, шел большой проект по гранту. Я работала в команде, и как-то самой собой получилось, что набралась хорошая база для полноценной диссертации.

Интересно было, драйв от коллективной деятельности и подпитки мыслями и предложениями коллег. Сначала я писала диссертацию, а потом шла на соискательство в Институт социологии РАН.

В аспирантуре я не была. Не сложилось как-то. Работала много на разных проектах, потом родился Дима.

Моя модель подготовки диссертации: сначала текст, потом соискательство, – привела к тому, что пришлось существенно перерабатывать текст, когда у меня появился научный руководитель – Виктория Владимировна Семенова. Она предложила целый ряд значительных правок, чтобы диссертация стала лучше соотноситься со

специализацией, и, в целом, получилась более глубокой. В итоге вышли и методологические разработки темы изучения жизненных траекторий, и интересные выводы с точки зрения анализа периода кризиса распада СССР.

До того, как защитить диссертацию, честно говоря, я не до конца понимала ценность всего этого действия: становления кандидатом наук. Только после ощутила всю ценность: мозг становится еще более структурированным анализатором информации, просыпается вкус к дальнейшим научным изысканиям. Ценное, как оказалось, мероприятие.

Особенно мне нравится, что в результате научной работы, по итогам анализа данных, вырисовывался совершенно практический вывод: географическая мобильность может способствовать более легкому становлению предпринимателем. Еще бы продолжить изучение, еще количественные данные получить, но это, видимо, уже не мне. Мой интерес от предпринимателей ушел к современным технологиям, а заниматься тем, что не воодушевляет, как-то нелогично.

Виктория Семенова – известный специалист в области качественной социологии. Диссертация делалась в этой парадигме?

Да, моя диссертация базировалась на качественном исследовании – библиографическом жизнеописании первой волны «челноков» (которые поехали за границу за товаром, еще точно не зная, что там и как).

Виктория Владимировна – социолог, как говорят, «старой закалки», хоть сама молодая, красивая и энергичная. Очень ответственно относится к содержанию, формулировкам, обоснованиям, выводам. Мы плотно работали.

Зато и результат приятный. Оппоненты говорили в таком ключе: как хорошо, что диссертация нормальная. А то мы боялись, что будет жуткий текст, который надо как-то позитивно описать, т.к. автор внучка великого человека. Хорошо, что не стыдно.

Вот, кстати, тоже дедушкина «фишка». Важно, чтобы не было стыдно за текст или поступок.

Диссертацию я начала писать поздно (не сразу после 5 курса), вымучивала довольно долго. Думала, что это просто некий неофициальный долг научно-преподавательской семье, в которой я родилась. А после защиты поняла, что диссертация ценный опыт, а результаты исследования вполне интересны, важны для практики. За них не стыдно.

Какая траектория привела тебя от предпринимателей к современным технологиям? Когда это было? Что и кто повлияли?

Бурная и кривая жизненная траектория привела меня к социальным роботам, а дальше, по наклонной – к современным технологиям.

Я пришла работать проректором по дополнительному профессиональному обучению (МВА, в частности) в очень современный технологичный вуз – Московский технологический институт. Здесь я получила полное погружение в ежедневно используемые современные технологии. Московский технологический институт – один из лидеров дистанционного образования на постсоветском пространстве. К системе дистанционного обучения имеют доступ и постоянно пользуются два десятка тысяч человек. У меня получилось в рамках работы увидеть, насколько технологии облег-

чают жизнь, профессиональное развитие, обучение, работу. Насколько качественнее может быть дистанционное обучение и контроль результатов в отличие от обычной очной формы. Это заложило прочную основу для любви к технологиям.

В дополнение к этому примерно в 2014 году мой непосредственный руководитель привел к нам в Институт ребят-робототехников из Перми, которые полностью сами сделали социального робота. Робота этого у нас в МТИ назвали – Алантим, определили его заместителем заведующего кафедрой Робототехники. Алантим у нас вел лекции, представлял МТИ на выставках. Покорил меня совершенно.

Дальше в дополнение к своим прямым обязанностям в году я получила работу по организации направления Robotics Акселератора технологических проектов GenerationS-2015. По всей стране мы собирали молодых разработчиков разных современных технологий и под общим руководством Российской Венчурной Компании старались сделать из них максимально возможно развитые бизнесы. Так я влилась в современную российскую инновационную атмосферу. И как-то постепенно увидела, что люди не совсем готовы к технологизации. Я бы могла помочь обществу пользоваться позитивными характеристиками внедрения современных технологий и минимизировать негативное воздействие.

Так родились три проведенных к настоящему моменту исследования. Одно из них (самое пока что большое) еще в обработке. Будет здорово, если у меня получится и диссертацию защитить именно на тему восприятия современных технологий обществом.

Согласен, это очень интересно. Я помню исследования по освоению людьми телевидения, новой бытовой техники, интернета... а вот – и совсем фантастика, роботы. Есть простор и для академических поисков, рассуждений, и для прикладных работ. Наверное, на Западе, в Японии, других странах, задающих динамику модернизационных процессов, подобные – академические и прикладные – исследования ведутся уже много лет? Их выводы распространяются на Россию?

Да! Мне эта тема на самом деле вернула интерес к науке, к психологии, к социологии. Так вернула, что даже смыслов в жизни добавилось. Теперь только волнуюсь, времени бы хватило и упорства, писать по ней.

После защиты в 2009 году кандидатской диссертации, у меня постепенно угасал интерес к старым темам. По инерции я еще ими занималась, но без прежнего огонька. С 2012 по 2013 и часть 2014 года прямо мучилась, если честно. Работа интересная, в семье все бурно и хорошо. Но без научного интереса полноты жизни как будто нет. Дедушке тогда жаловалась, что не могу найти тему. Он тогда сказал, что испытывает подобное. Только мне было 35, а ему 85.

Когда мне стало очевидно, что новая тема у меня нашлась, я дедушке рассказывала. Он уже болел, но глаз в ответ на рассказы у него загорался. Ненадолго. Мне казалось, что он считал это слишком футуристичным для себя.

Простора много, исследований проведено тоже очень много. И давно уже тема эта прорабатывается. Еще в 80-х годах 20 века был выявлен феномен «зловещей долины» (люди боятся роботов, похожих, но не на 100% имитирующих внешность человека). Рынок Японии и восприятие роботов жителями страны восходящего солнца – отдельный сегмент. Пожалуй, отличающийся от всех других. А вот западное восприятие вполне близко российскому. Как обычно, отличия есть, сходства тоже есть, надо только хорошо и честно искать.

Развитие современных технологий идет очень активно в США, Китае, Японии. Технологии становятся неотъемлемой частью нашего быта. Многих это пугает. Но бояться нет смысла, надо научиться принимать этот факт.

Полтора года назад я провел интервью с Антоном Абрамовским из Тюмени («Мне повезло родиться на рубеже эпох» http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=144), он IT- тишник и работает как непосредственно в этой области, так и в социологии новых технологий. Сейчас завершаю интервью с петербурженкой Лилией Земнуховой, получившей социологическое образование на факультете социологии СПб Университета и в «Шанинке», ее интерес социальные аспекты новых информационных технологий. Возможно, в этом – один из трендов развития российской социологии. Насколько активно ведется разработка этой проблематики в России? Есть потребность, поддержка со стороны крупного бизнеса? Какие научные Центры можно было назвать в качестве лидеров?

Да, на тренд похоже. Называется исследований науки и технологий – STS – Science and Technology Studies.

И еще очень важная и интересная вещь. Эту тематику в России довольно активно прорабатывают в рамках философии. Например, Надежда Зильберман <https://www.facebook.com/nadezhda.zilberman> или Марина Дедюлина [https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=UNI/s1/D¶ms=\(p_per_id=>-3000451\)](https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=UNI/s1/D¶ms=(p_per_id=>-3000451))

И, возможно, это еще один тренд. За пределами России cognitive science – обычное дело, а у нас пока только формируется некое кросс-научное сообщество, консорциум по проблематике, а не по предмету.

Уже проявились как флагманы Томский ГУ и ВШЭ. В высшей школе экономики тематикой занимаются, например, молодые Юрий Войнилов, Алена Нефедова.

За границей развитие идет быстрее, больше опросов, больше экспериментов, больше книг. Но и в России тема набирает обороты.

И, в этой теме, как и в глобальном бизнесе, если что-то задуманное не успеваешь реализовать утром, к вечеру уже кто-то делает на этом имя ли деньги.

Совсем недавно развитие научно-технологических инноваций, модернизация промышленности, информационной сферы, экономики связывались с тем, что обозначалось словом «Сколково». Возможно, я ошибаюсь, но у меня складывается впечатление, что из всего задуманного мало что получилось. Я уже более 20 лет живу в Северной части Кремниевой Долины, для меня такие слова как Google, Facebook, Tesla – не просто названия фирм, меняющих мир, а мегафирмы, созданные в соседних городках из ничего «вундеркиндами» буквально на моих глазах. Можно ли предположить, что в ближайшие годы ситуация с развитием Проекта «Сколково» кардинально изменится, и это даст мощный импульс развитию современного информационно-технологического инвайромента в России и внесет качественные изменения в повседневный мир россиян?

В России не только в Сколково есть проекты, способные развиваться в реальный бизнес. Иллюзий про разницу научно-технологический инноваций в России и США быть не может, статистика говорит красноречиво. Но ситуация не безнадежная. Есть очень перспективные проекты, и очень многие, действительно, связаны с «проектом Сколково».

Вы очень объемно описали: «вундеркинды» и «меняющие мир». В России такие есть. Есть энтузиазм и знаний, нужно еще везения. Мир глобализуется, уже сейчас исходная точка важна больше для поднятия самооценки нации или страны, целью должна быть глобальная польза. Технологии придут в Россию извне, будут прорабатываться внутри. Для страны очень важно в новом мире занять нишу по созданию нового, современного. А в повседневный мир людей технологии придут в любом случае, вне зависимости от точки зарождения.

Катя, мы поговорили о твоей жизни, работе... давай немного поговорим и о Владимире Александровиче Ядове – твоём дедушке. Мне кажется, любая информация о нем интересна нашему профессиональному сообществу. Для большинства, без преувеличения, российских социологов В. А. Ядов – Учитель, автор классических работ, один из ярких создателей нашей науки. Для многих, при сохранении сказанного, он – коллега, товарищ, человек, с которым на протяжении многих лет их связывала общая работа. К сожалению, большинство его друзей, для которых он был Володя, ушли навсегда... назову некоторых из них: Борис Грушин, Татьяна Заславская, Андрей Здравомыслов, Игорь Кон, Юрий Левада, Владимир Шубкин... во время моего последнего телефонного разговора уже очень больной Владимир Шляпентох с трудом спросил меня: «Как Володя...?», ответил, что Володи не стало.. наш разговор на этом закончился, я понял, что про себя Шляпентох решил, что и ему пора... и вскоре его не стало... Ты знаешь, я многие годы работал в Ленинграде (недолго – в Петербурге) в различных социологических коллективах, которыми руководил Владимир Александрович, жизнь так сложилась, что когда я решил эмигрировать в Америку, первым, кому я сказал об этом, были он и твоя бабушка – Людмила Николаевна Лесохина. А после моего отъезда – рискнул сказать – мы подружились. Я взял у него два пространных биографических интервью, одно очень большое – он взял у меня. Еще при жизни Владимира Александровича я написал несколько эссе о нем, а в 2016 году издал небольшую книгу «Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нём». Я знал, что в моем компьютере, в электронном почтовом ящике хранится наша немалая с Владимиром Александровичем переписка, но вчера посмотрел и удивился. В нашей переписке, охватывающей 2006–2014 годы, 550 его посланий мне и 660 моих – ему. Да, более тысячи... конечно, некоторые письма – совсем короткие, но есть – пространные, очень личностные. Некоторые письма Владимира Александровича приведены в названной книге, на то было не просто его разрешение, но наказ...

Ты – особый случай, родной человек, жила с ним многие годы... сначала расскажи просто, каким он был дедушкой... понимаю, что сложно, и все же...

Мы очень много общались до моей школы и во время. Дальше я переехала к нему в Москву. С дедушкой мы прожили даже больше лет, чем я в детстве с мамой. Так что да, очень родной человек.

Когда я только поступила в МГУ, мы с дедушкой, как говорится, «притирались». Он классифицировал это так: «у тебя была семья деТо-центрированная, у меня деДО-центрированная», надо найти новый баланс.

Дедушкой он был замечательным. Молодому человеку что нужно, чтобы поддерживали, но сильно с нравоучениями и советами не лезли. Вот это у меня было. Дедушка всегда очень уважительно ко мне относился, очень деликатно предлагал помощь и варианты разрешения сложных ситуаций.

Это только поначалу, в первые несколько месяцев было, что если я задерживалась, он звонил с буквы А по моей записной книжке. Я очень бушевала, сердилась. Мне казалось, это вмешательство в мое пространство. А ведь просто переживал, волновался, и все.

Бытовых моментов забавных и сюрреалистичных, конечно, было очень много. Все время терялись какие-то вещи, не оказывалось какого-то продукта в холодильнике, который должен обязательно быть.

Если, например, кончалась сметана или лук, дедушка сердился «ну как так можно!».

Но это бытовые вещи. Мелкие, забавные. А вот не мелкое, это что и он, и я, могли обсудить прямо дома почти любую тему по науке, по построению работы, по особенностям взаимодействия с людьми.

Дедушка шикарно умел наладить контакт. Однажды он вышел в ближайший магазин почти в домашней одежде. Получился с виду такой не очень обеспеченный пожилой джентльмен. Пришел, а бумажник забыл. Так убедил продавца все-таки дать ему то, за чем пришел. Еще бухтел, что продавец не очень охотно отдал товар, «принесут же деньги, в чем дело-то».

Или вот еще не мелкое. У меня всегда была безоговорочная поддержка. Абсолютное чувство тыла. Это колоссальное значение имеет. Я знала, что с любой проблемой могу обратиться, он поможет. Хотя бы подскажет. А пока взрослеешь, много кажущихся катастроф случается.

И дедушка со мной советовался. Бывали, например, со студентами спорные конфликтные ситуации. У меня был голос не только как у представителя молодого поколения, но уже как у профессионала.

Еще важный момент. В семье – гений, но у каждого есть своя свобода. Нет такого, что все обсуждения только вокруг дедушкиной работы и жизни. Наоборот, дедушке всегда было интересно, что происходит вокруг.

Почти детская любознательность до последних дней – это не просто дар. Это еще и тщательно поддерживаемая всем образом жизни философия научного и личного существования. И это огромная часть дедушкиного наследия ближнему кругу: жить с интересом и любопытством.

Ряд друзей Владимира Александровича, к примеру, Б. А. Грушин и В. Э. Шляпентох были страстными меломанами, они даже работали под музыку. Каким было отношение дедушки к музыке? Он в доброй компании пел Галича, иногда цитировал строки из Высоцкого и Цоя... каким был его мир музыки? Не помнишь, какие художественные книги он читал в последние годы, каких авторов любил... ?

У дедушки был очень живой и пытливый ум, он очень многим интересовался. С интересом смотрел современное кино. Но если говорить про постоянные пристрастия,... то я помню романсы Малинина. На застольях иногда звучали от него кусочки песен во славу царской России, польские песни. У дедушки было чувство юмора и желание шутить, и песни тоже должны были вызывать улыбку и радость.

Дедушка с бабушкой очень увлекались изобразительным искусством. Дедушка говорил, что они много часов в молодости провели, изучая картины и историю их создания. У меня сохранилось много книг по искусству, которые они листали и обсуждали. Такой вот был общий мир у дедушки с бабушкой, замешанный на науке и искусстве.